

Алекс Норк

ЧЕТЫРЕ с половиной

Алекс Норк

Четыре с половиной

*Текст предоставлен правообладателем
ИП Евдокимов В.С.; 2010
ISBN 978-5-8235-0008-3*

Аннотация

Русский мультимиллионер оставляет наследство четверем родственникам, которые должны разыграть его жеребьевкой. Выигрывает только один, но если он не сможет вступить в наследственные права, имущество делится между тремя остальными. Судьба способна распорядиться по-разному, и от ее решения зависят четыре детективных сюжета.

Содержание

Часть I.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Алекс Норк

Четыре с половиной

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть I.

Стена бежевого шлифованного кирпича оставляла для обзора только зеленую крышу особняка в глубине территории, куда можно было попасть через раздвижные ворота либо через стальную дверь, тоже сейчас закрытую.

По другую сторону асфальта – лес.

Человек, выбравшийся из такси, посмотрел туда, на стволы сосен – желтоватые у крон, с прятавшейся в желтизне краснотой, которая улавливалась ощущением, а не зрением.

Таксист вынул из багажника небольшой чемодан, поднес и вежливо попрощался. Подумал, видно, что клиент прибыл домой.

Пожилой человек с этим «монтировался» – в летнем костюме хорошего импорта, загорелый, с короткой стрижкой, умело скрывающей наступившую уже редкость волос, еще привлекали глаза – очень спокойные, с командным чуть выражением.

Человек повернулся к высокой кирпичной стене, но не двинулся, ожидая.

Тихо.

Слышен только, уже издали, звук уходящей машины.

– Здравствуйте, Сергей Петрович.

– Здравствуй, Алексей.

Мужчина лет тридцати, спортивный, немаленьких габари-

тов, поспешил навстречу и, обгоняя желание возразить, ловко отобрал у приехавшего чемодан.

– Да, Сергей Петрович, такие вот дела, жить бы еще и жить...

Человек приостановился у открытой двери.

– Нет, Леша, жить ему было нечем.

– Шутите, Сергей Петрович, столько всего?

– Вот. Ты у него четыре года?

– С лишним.

– А часто видел веселым?.. Можешь не отвечать. Он, Леша, по натуре чемпион, а когда выиграл все и понял, что финишных ленточек больше не будет, – человек шагнул внутрь, – тогда жизнь и кончилась.

Сзади шелкнула замками стальная дверь, а прибывший увидел знакомый фасад с бельэтажем тонированного сплошного стекла; он продолжил вслед сказанному:

– Думаешь, трудно ему было сердце подлечить? Даже при этих делах? – два пальца коснулись шеи. – Не хотел, говорил: мне судьба не велит.

Оба пошли по зеленому ухоженному газону.

– Родственники все собрались?

– Да.

– А когда назначены похороны?

– Не назначены пока.

Гость приостановился и вопросительно посмотрел.

– Тело набальзамировано, в морге сейчас. Тут, Сергей

Петрович, такая история...

—О—

— Завещание, господа, я оглашаю в присутствии свидетелей. Вы, молодой человек?..

— Алексей, начальник охраны.

— Не «Алексей», а полностью — фамилия, имя, отчество. Вот в этой графе, и внизу под ней — число, подпись. И вы.

— Это мой сотрудник.

— То же самое, следующие две графы ниже.

Трое мужчин и женщина расположились в креслах просторного нижнего холла. Нотариус стоял напротив этого полукруга, рядом с изящным инкрустированным столиком, низким, и потому неудобным для двух молодых людей, ставивших свои фамилии и подписи на бумагах.

Справившись, они отошли в сторону и дисциплинированно замерли.

— Сейчас, господа, я оглашу завещание, но прежде прошу ваши паспорта.

Произошло шевеление, мужчины встали, женщина, вынув из сумочки, протянула одному из них свой.

— А твой зачем?

— Ну, попросили...

Нотариус обратил внимание:

— Да-да, сударыня, и ваш тоже.

Процедура заняла малое время, документы вернулись хо-

заявам, а те – на свои места.

– Итак, господа, завещание составлено, – нотариус скороговоркой прочитал – где и когда, и что каждый получит полагающуюся ему копию. – Итак, господа, согласно воле покойного: «Наследниками моего имущества, состоящего...»

Он перешел на медленный темп.

А голос повысил.

После первой имущественной позиции сделал паузу.

Перешел ко второй...

Счета...

Недвижимость, зарегистрированная в России...

Недвижимость, зарегистрированная за границей...

Иные имущественные ценности...

Начали строиться в ряд.

Известный, наверное, по существу, всем присутствовавшим, ряд продолжался, а прибавляясь новым описательным пунктом, застывал общей конструкцией, которая, стало скоро казаться, лишь соприкасается с этим маленьким пространством и незначительными людьми. Ей не было места и там наружи, внутри бессмысленной кирпичной стены, непонятно зачем растущего рядом леса и тем, что могло быть за ним.

Кто-то нервно отрывисто кашлянул, а молодой охранник, не выдержав, прошептал:

– Это ж каждому и внукам, и правнукам...

Старший строго поднял в ответ указательный палец.

Но нотариус, наконец, закончил.

И ему самому понадобилась маленькая передышка, чтобы вернуть себя в прежний привычный масштаб.

Убедившись, однако, что всё на прежних местах, он снова опустил голову к раскрытой папке.

— ... «Объявляю своими наследниками двоюродного брата», — он назвал фамилию, имя, отчество, а брюнет лет пятидесяти толи вдохнул, толи выдохнул, — «сводного брата...», — светловолосый, постарше, сделал легкий кивок и устоял в пол, — «племянника покойной сестры...», — молодой человек рядом с женщиной не выдал в выражении ничего, но тут же вздрогнул и повернул к ней голову, — «и находящуюся с ним в браке...», — нотариус оторвался читать и посмотрел на женщину: — Вы тоже означены в числе наследников, сударыня.

Кажется, главное прозвучало.

Список имущественных позиций очень превосходил числом тех, кому было что-то положено, а любое в нем «одно» стоило... младший охранник опять захотел что-то сказать, но, не сумев выразить, лишь повел головой из стороны в сторону.

Молодой племянник покойного встал, желая разрядить нервные накопления, но был остановлен приказным почти тоном:

— Сядьте, пожалуйста, я не закончил.

Нарушитель попросил улыбкой о снисхождении, и опять

установилась тишина, но не прежняя, а с живым человеческим фоном.

—О—

— Начал он, Сергей Петрович, по мелочи. Вам «зелеными» миллион...

— Кхы, по мелочи, говоришь?

— Ребятам по сотне, и мне триста штук. Нам эти деньги без всяких условий, а им...

—О—

— Условия наследования, господа.

Нотариус поставил на стол небольшую коробку.

И все-таки опять потребовал тишины, потому что в креслах начали обмениваться фразами, и кто-то у кого-то уже просил сигарету.

Только женщина обратила внимание на его слова и внимательно ждала продолжения.

— Все перечисленные денежные и имущественные ценности наследуются одним человеком путем предусмотренного завещанием жребия.

И она одна поняла сказанное.

Остальные лишь слышали слова, но не смысл, лица сделались слегка напряженными, с ощущением казуса, случившегося от собственного невниманья.

Нотариус, тем временем, вынул из квадратной коробки

другую – поменьше и круглую – и снял с нее крышку.

– Здесь четыре разъемных шара, господа. Вы такие процедуры видели, конечно, по телевизору. Разнимаете шар, внутри на плоскости у одной половинки крест – это выигрыш. Пусто – проигрыш. В завещании предусмотрено время. У вас, господа, всего одна минута.

На столике появились небольшие песочные часы с маленькой желтой массой у верхнего конуса, тонкая струйка потекла вниз, разбрасывая на дне песчинки.

Нотариус, убедившись, что простенький механизм работает, снова обратился к аудитории:

– Итак, одна минута, а вернее сейчас... секунд пятьдесят. Не пожелавший или не успевший, господа, автоматически исключается из процедуры жребия.

Женщина уже подходила к столику, но прочие не вышли из столбняка.

– Прошу вас, сударыня. Но шар пока не раскрывайте.

Она чуть поводила сверху рукой, вдохнула и взяла.

– Благодарю вас. Осталось... секунд сорок. Прошу, господа. Впрочем, как вам угодно.

Теперь двое, вполне сознавая лишь, что нужно спешить, направились к столику и только один, поименованный раньше «двоюродным братом» удивленно поглядел на них, не двигаясь в кресле.

У коробки оба подошедших ускорились, и тут же замешкались, не зная, который шар взять...

Но получилось.

Теперь и они вдруг поняли, во что играют.

Нотариус обратился к последнему:

– У вас еще есть пятнадцать секунд.

Сидевший в кресле не то чтобы понял, но что-то в нем заработало.

Наконец встал.

– Побыстрее, – произнесла женщина, на тонком красивом лице смешались досада и нетерпение.

– Да пусть его, – одернул муж, а нотариус уставился на последний уходящий песок.

– Семь-шесть секунд.

Человек неуверенно шел, все с тем же растерянным чувством: «а, надо ли?».

Младший охранник, не выдержав, громко произнес «ой», струйка уже добегала из ничего, но на последних шагах человек проявил проворность и на ходу извлек шар.

– Вот!

Он, словно желая обрадовать остальных, поднял руку с ним вверх.

– Да, вы успели.

Похоже, и хладнокровному нотариусу это принесло облегчение.

– Свидетели, подойдите, пожалуйста, ближе.

Двое молодых людей сделали пару шагов, но нотариуса дистанция не устроила, он приказал встать с ним рядом.

– По разные стороны. Вы здесь, а вы... да.

Получилась своеобразная тройка с «председателем» посередине.

– Теперь, господа наследники, откройте ваши шары и продемонстрируйте нам результат.

Стало заметно, что никому не хочется это делать.

– Прошу! – подстегнул нотариус.

Руки людей задвигались, размыкая небольшие белые шары...

– Внимание, господа свидетели. Итак? – прежде чем он продолжил, раздались вздохи, неясные звуки, «черт!» выговорила молодая особа. – Крест у вас, сударь, – рука нотариуса показывала на блондина – сводного брата покойного.

Тот никак не отреагировал.

Стоявший с ним рядом темноволосый, чуть не опоздавший к жребию человек, теперь проявлял подвижность – глядел на крест на чужом шаре, переводил взгляд на нотариуса, на другие лица, пытаясь в них что-то понять. В лице женщины заметна была переживаемая досада, но муж ее нашел в себе силы проявить благородное хладнокровье.

– Поздравляю, – он протянул руку счастливчику.

Тот, впрочем, таким вовсе не выглядел.

Переложив шар из правой в левую руку, но чтобы нотариус продолжал видеть крест, он ответил быстрым рукопожатием и вернулся в исходное положение.

–О–

– Интересная история.

– Это, Сергей Петрович, не самый финал.

– А что еще?

– Я тут записал... более или менее точно. – Старший охранник извлек бумажку: – «Наследник любой очереди вступает в права после похорон и не имеет права покидать территорию до дня похорон, а день назначается по общему согласию всех четырех». И еще сказано: «В случае отказа вступления в наследство, получившего это право по жребию, его физической или гражданской недееспособности после объявления завещания, наследство распределяется равными долями»... я не дописал, но между остальными, в общем. А что тут означает «гражданская недееспособность», Сергей Петрович?

– Гражданская?.. Психическая невменяемость или вынесенный по уголовному преступлению судебный приговор, вот что это означает. Любопытно. Ну, пойдем в дом?

– Пойдемте. Странно – «гражданская», а по «уголовному».

– Эта такая юридическая формулировка стандартная, Леша.

Они прошли к дому, где после газона начинался окаймляющий синеватый асфальт, и прямо с него ступили внутрь разъехавшихся на фотоэлементах панелей.

Глядевшие во внешность затемненные стекла невольно

побуждали встретить приглушенность внутри, и что-то такое предусмотрел архитектор, желая поразить входивших воздушным объемом еще более светлым и солнечным, чем давала снаружи природа, – свет шел через стекла и добавлялся вертикальной системой тоненьких шахт зеркального перископического устройства. Зайчики, проникавшие сверху, лезли озорными пятнами в зелень зимнего сада, росшую кругом в изобилии, бегали по ореховым перилам просторной лестницы, уходящей спиралью вверх. Хотя не от первого впечатления, гость все равно приостановился, поводит в стороны поднятой головой и даже вдохнул так, словно захотел вобрать в себя кусочек пространства.

– Хорошо здесь.

Но почти уже улыбнувшись, перехватил взгляд старшего охранника и ответил таким же – да, все это для них обоих очень скоро останется в прошлом.

Зимний сад обходил первый этаж с трех сторон, кроме противоположной, на которой находился бассейн.

Человек показал туда кивком головы:

– Работает?

– Да, чего ж ему не работать.

Оба увидели женщину, появившуюся рядом с розовым чайным кустиком, стройную очень, в темно-сером открытом платье, но не траурном, по фасону, скорее, – вечернем.

Расстояние было несколько большим удобного для взаимных приветствий, и охранник решил подействовать:

– Вы познакомьтесь тут сами. Я, Сергей Петрович, отнесу чемодан в вашу комнату.

– Спасибо, Алеша.

Прибывший повернулся к женщине, чуть постоял и сделал к ней несколько шагов. Та тоже сдвинулась ему навстречу.

– Вы с юга?

– Да, здравствуйте.

– Здравствуйте. Муж говорил, вы были другом покойного?

– В этом роде. Меня зовут Сергей Петрович.

– Елена.

– Припоминаю. Ваше имя как-то звучало – жена его племянника. Не ошибся?

– Правильно.

Она сдержанно улыбнулась.

Еще показалась мужская фигура метрах в пяти впереди, фигура сначала выдвинулась из-за увитой плющом перегородки, однако затем сдвинулась наполовину назад – опять расстояние было малоудобным для представлений, и приехавший лишь сделал кивок в ту сторону.

Женщина обернулась.

– Владимир... двоюродный брат.

– Да, тоже припоминаю. Но видется не приходилось.

Средних лет человек расслышал слова и подтвердил их полуулыбкой.

– А что мы стоим, – она сделала знак рукой, приглашая в глубину зимнего сада.

Приехавший подчинился, показав даме идти вперед, и по дороге чуть задержался у розового куста с небольшими нераспустившимися еще бутонами – зелень сада была очень знакомой, а этот куст всегда особенно нравился. Дальше будет уютный грот с мягкими креслами, баром и фонтанчиком в напольной бронзовой вазе – место, где они, да, много сидели с покойным.

Приехавший обошел деревце с красноватыми листьями и сразу за ним увидел знакомый продолговатый стол, кресла, молодого человека на другом конце, и тот, старше, что был впереди, сел с ним рядом.

– Здравствуй, Аркадий.

Тот, привстав, поздоровался и поинтересовался для вежливой процедуры о том, как прошла для гостя дорога.

Бутылок на столе не было – только бокалы, гостю следовало распорядиться по этому поводу самому, у других имелось уже содержимое, а из бокала молодой женщины шли пузыри.

Человек, хорошо представляя выбор, тоже, было, подумал о стакане брют «Абрау-Дюрсо», не магазинном, конечно, а том, что привозили сюда по заказу, но позволительное для дамы мужчине в траурный день шло не очень, да и в машине подукачало.

Он подошел к бару, подумал у бутылочного многообразия...

Плеснул себе немножечко скотча и сразу выпил глотком.

Еще подумал, снял с крючка штопор, за его спиной пока никто не проронил ни слова.

Красное терпкое «Бордо» полилось в стакан – темное, уверенное в себе, как допускавшиеся к сбору этого сорта немолодые уже и благополучные французские женщины.

Приехавший возвратился к по-прежнему молчавшей компании и сел у длинного конца стола, оказавшись от остальных на некотором удалении.

Оно и лучше от табачного дыма, хотя легкие синие струйки быстро тянуло вверх.

У ближнего пустого кресла стоял недопитый стакан отлучившегося четвертого – стало быть, свободного брата умершего от первого по отцу брака, старшего его немного годами – угадавшего, значит, наследство по жребию.

Прочим, надо полагать, здесь невесело.

Человек хотел спросить про похороны, но не успел.

– Вы на пенсии или работаете, Сергей Петрович? – поинтересовался брюнет.

– Работаю. Благодаря вашему брату, кстати сказать.

– А кем, если не секрет?

– Руководжу, – человек приостановился и сделал большой глоток, – охраной крупной компании руководжу. – Он не стал опускать стакан и сделал еще – теперь так, чтобы интенсивный букет немного пополюскался по рту... – А когда похороны?

Ему не ответили и отчего-то переглянулись.

– Вы бывший военный? – женское резное лицо смотрело на него в пол оборота – внимательное и красивое.

– Я бывший следователь, Елена.

Гость поставил стакан и задумался.

О чем ему было сейчас?

Только о том, как быстро движется время, очень быстро, порою кажется – как поезд, вошедший в туннель, вот виден уже его маленький оставшийся хвостик.

– На этом поприще мы с ним и познакомились двадцать годов назад.

– Когда он сидел?

– Нет, перед этим. Я вел его дело.

Она теперь повернулась к нему, и дымчатые какие-то глаза стали шире.

– Вы его и посадили?

– Посадил. Аркадий, ты разве не знал эту историю?

– Нет.

Захотелось еще глотнуть, но человек решил досказать.

– Фарцовка. А где фарцовка, там часто валюта. С валютой – это двенадцать минимум. В начале восьмидесятых он к нам попал. Тогда никаких снисхождений. Он, помнится, тихо так проговорил: «Мать не доживет».

Человек мотнул головой, взял стакан, еще раз мотнул и выпил тремя глотками.

– Хе, мне закрывать уже дело, заключение писать, я да-

же ему потом не рассказывал – всю ночь не спал. Мы ж людей научаемся видеть. Другой на три года напакостит, а задуть бы мерзавца. А тут вижу, совсем не гнилой человек. И можно переквалифицировать на семь. С нарушениями, конечно. Но можно. Ну, где семь, там и пять через условно-досрочное.

Человек посмотрел на стакан, выпитый слишком быстро.
– Вот такие дела.

Что-то пробежало сразу между тремя, сообщившись через внутренний телефон, и человек понял это вроде комплимента в свой адрес.

Женщина вдруг энергично допила свой бокал.

Гость встал.

– Вам налить, Елена?

– Если можно... – она немного смутилась.

– Да, «Абрау-Дюрсо».

Он направился к бару, а мужчины и женщина, будто спрашивая друг друга, обменялись торопливыми взглядами.

– Так когда похороны?

– Вы присядьте, пожалуйста, Сергей Петрович, – вежливо попросил племянник.

– Ну, сейчас вот налью.

Он вернулся со стаканом темно-красного и светлым с пузырьками бокалом.

– Прошу вас, сударыня.

– Спасибо.

Послышалось движение в глубине зимнего сада от возвращавшегося четвертого родственника, чей недопитый стакан с белым вином стоял рядом, приехавший повернул в ту сторону голову – он только слышал от покойного о существовании сводного брата, но никогда его здесь не встречал, – однако, минуя деревцо с темно-зеленым стволом и красноватыми листьями, явился Алексей.

– Добрый день. Я хотел узнать, не требуется ли от меня чего? Сергей Петрович, вещи у вас в комнате.

Племянник Аркадий ответил за всех, что не требуется, а старший охранник вежливо сообщил что и так все знали – в случае необходимости достаточно позвонить. Домик охраны находился тут же на территории.

– А где ваш четвертый родственник? – приехавший спросил больше для разговора. – Подскажите, заодно, как его величают.

Племянник стал стряхивать пепел, двоюродный брат решил отхлебнуть, пауза, непонятно отчего, затянулась.

– Он умер, – тихо проговорила женщина.

Человек недоверчиво посмотрел – неуверенный, что не ослышался. Взгляд перешел с женщины на соседний бокал.

– А это вот чьё?

– Его.

Даже менее значительные события требуют кое-каких подробностей, это написано на лице человека – его левая бровь сдвинулась вверх и застыла.

– Э, позвольте мне, – начал двоюродный брат.

После этого он захотел вздохнуть, захотел откинуться на спинку кресла – то и другое не получилось.

– Мы незадолго перед вами сидели тут, обсуждали, ну, вы сами понимаете.

– Ни черта пока что не понимаю.

– Да. Мы обсуждали, так сказать, ситуацию.

Говоривший испытывал нехватку слов.

– Он почувствовал себя плохо?

– Нет. То есть, да, – рука показала на кресло: – Он умер.

– Вот здесь? – Человек тоже показал на кресло: – Ни с того ни с сего?

– М-м... в каком-то смысле.

– В смысле мгновенно, – добавила женщина.

Почувствовалось, ее очень раздражает начало, но она не знает еще, что с этим делать.

Сам собой напрашивался вопрос:

– А куда вы дели труп?

И племянник зашепшил вступить в разговор:

– Сергей Петрович, не подумайте чего-то дурного. Труп мы отнесли в подвал, там есть холодильная камера.

– Граждане, если имеется труп, то должна быть и милиция.

Сразу же попытались сказать все трое.

Прежде всего, что не нужно спешить, надо подумать «как лучше», разобраться и... женщина сформулировала, нако-

нец, в более отчетливом смысле:

– Мы все трое являемся наследниками второй очереди.
По завещанию...

Гость, чтобы не выслушивать, поднял руку:

– Алексей мне про завещание уже рассказал, – все, глядя на него, замолчали. – Только что вас смущает?

– То, что нас всех арестуют к хреновой матери.

– Подожди, Аркадий, – начала его жена, но тот не стал ждать и, отправившись к бару, довел мысль до конца: – Обвинят, и мы получим шиш вместо наследства.

Судя по всему, он выразил главное, так как другие к этому ничего не добавили.

– А что может произойти, если вы его не убивали?

Центр вопроса отчетливо слышался в первой, а не второй его части, двоюродный брат, тем не менее, глядя человеку в глаза, испуганно закачал головой и даже отвел от себя такие руками.

– На вас, Владимир, никто пальцем не тычет, – недовольно сказала женщина в ответ на подчеркнуто персональное отмежевание, – но в завещании есть что-то вроде коллизии. – Она посмотрела на гостя: – Это так на юридическом языке?

– Ну в общем, правильно.

– Мы не убивали, но ситуацией могут воспользоваться.

– Кто, например?

– Сергей Петрович, мы живем в бандитской стране – вы это отлично знаете. Да хоть коллеги ваши. Да кто угодно.

Волнение в ее глазах вдруг исчезло и появилась пристальность.

– Вы, извините, с работы в органах давно ушли?

– Давно.

– Сами?

– М-м, сам.

Гостю вопрос не понравился:

– Причем здесь моя биография?

– Притом, что вы опытный специалист. Если речь идет о четырехстах миллионах долларов, могут ваши коллеги вместе с прокуратурой, вместе с властями местными нас взять в обработку?

Там, наружи, облако закрыло солнце, в воздухе и в зелени миг исчезли золотые блики, свет стал строгим, словно о чем-то предупреждающим.

Женщина продолжала:

– Например, мы от всего отказываемся и дело закрывают? Или еще лучше: всех сажают за убийство по сговору, имущество переоценивают – один к десяти, дальше рассказывать?

– Тут одних картин миллионов на двадцать, – муж, вернувшись, сел в кресло и полез в пачку за сигаретой, – два-три дня и готово – уже висят копии, – и, щелкнув зажигалкой, дополнил: – пока мы будем сидеть в пресс-камерах.

Гость поморщился:

– Ну, вы уже без всякой меры нафантазировали.

– Ничуть! – струя дыма, тоже не соглашаясь, метнулась в

воздухе. – Если б речь шла о четырех миллионах, я бы еще подумал.

– И то, – остерегая, сказала супруга.

– Да. Четыреста миллионов, и даже с лишним. Это какой дележ?! Страшные деньги толкают на страшные вещи.

– Правильней, на любые, – снова уточнила жена.

На него смотрели три пары глаз, две настойчиво и одна почти умоляюще. Эти глаза опустились вниз, а губы почти прошептали:

– Черт бы подрал все эти богатства.

– Ой, Владимир, не надо! – молодой человек брезгливо дернул щекой. – Лучше подумать, как с их помощью из этого выбраться.

Но супруга внесла свое предложение:

– Нам нужна ваша помощь, Сергей Петрович.

– Моя? А в чем вы ее видите?

Он сразу еще спросил:

– Охрана пока не знает?

Аркадий ответил, что «нет», а его жена совсем обрела уверенность, и села свободно – перекинула ногу на ногу, изящно удлиненную вниз от колена – модельная вся какая-то девочка.

– Мы хотим от вас очень простого, Сергей Петрович, – профессионально разобраться в ситуации. Подготовиться, понимаете?

– Знать, какие давать ответы, – неуверенно добавил брат

Владимир.

Человек, видимо, собираясь категорически возразить, приподнял руки, намереваясь хлопнуть ими о ручки кресла, но, придержав порыв, опустил их на подлокотники.

– Скверная какая история, ф-у.

Однако же те слова, которые он недавно назвал фантазией, видимо, показались ему все-таки не совсем таковыми.

– Ладно, еще раз, и в подробностях – как он именно умер?

Сразу попытались заговорить три голоса, гость сделал им знак рукой приостановиться.

– Нет, давайте-ка вы, сударыня, у вас выходит почетче. Вы, кстати, кто по образованию?

– Я филолог, германист.

– Вот, давайте с немецкой точностью.

Женщина, кивнув, позволила себе небольшую паузу.

Потом начала:

– Я постараюсь быть максимально последовательной.

– Да, и начните уж тогда со вчерашнего вечера.

– Со вчерашнего... хорошо.

Человек вспомнил про свой «Бордо» и быстро отпил.

И племянник Аркадий напротив него сделал то же самое.

Супруга недовольно взглянула:

– Ты не гони, а то и будешь как раз как вчера.

– Вчера мы попросту напились, – пояснил тот.

Владимир, впрочем, слегка поводил головой и всей грустной физиономией дал понять, что к нему это не совсем от-

носятся.

– Да, перебор был, – начала снова Елена, – все это так на нас опрокинулось, что не шло в голову.

– Лучше сказать, – снова вмешался супруг, – влезло туда, но не помещалось.

– И первым, – добавил Владимир, – напился как раз Олег.

– Покойный?

– Да.

– А мне показалась, – Елена взяла свой бокал, – он не напился, а сыграл сильное опьянение.

– Зачем?

– Чтобы избежать неприятного разговора. Мы же можем заблокировать, во всяком случае на какой-то срок, похороны, а значит и вступление в наследство. Ведь ты его укладывал, Аркадий, он, по-твоему, был действительно пьян?

– М-м... я сам был того...

Владимир напомнил:

– Мы с тобой нашли в аптечке снотворное, ты что, не помнишь, и он быстро заснул.

– Ну... да.

– Нет, – обратился он уже к гостю, – мне не показалось, что Олег что-то изображал.

– Хорошо, – тот энергично качнул головой, – вчера вы невесело, но погуляли. Давайте теперь, сударыня, про сегодняшний день.

– Сегодня Владимир зашел утром к Олегу.

– Мы с Аркадием встретились в коридоре и решили его разбудить, но он сам уже поднимался, – включился брюнет, – согласился скоро спуститься и всё обсудить.

Человек кивком попросил продолжать.

– Вот мы и собрались, – она посмотрела на ручные часики.
– Это было ровно два часа назад.

– С этого момента не упускайте, пожалуйста, ничего.

– Постараюсь. Мы с Аркадием уже были здесь, затем спустился Олег и скоро пришел Владимир.

Тот взглядом поддержал сказанное.

– В те две-три минуты, пока не пришел Владимир, естественно, не говорили о деле.

– Еще раз поточнее – о каком именно деле.

– Я уже раньше сказала – нельзя же остальным остаться ни с чем.

– Да, понял. И какие вы собирались выдвинуть требования?

Ответила не она, а муж:

– Мы, собственно говоря, не успели их выработать вчера...

Человек досказал:

– По уже понятным причинам.

И перевел взгляд на женщину.

– Да, – проговорила она, – это следовало сделать сегодня, что называется, уже в рабочем режиме.

– В процессе торговли?

– Ну, если вам так угодно.

– А что здесь плохого? – обидчиво произнес Аркадий.

– Ничего плохого, я без иронии. Продолжайте, Елена.

– Олег поздоровался...

– Извинился за то, что вчера перебрал, – добавил муж, – да я сам был хорош.

Его супруга нетерпеливым жестом показала, чтобы не лез больше с глупостями.

– Олег пошел к бару, открыл вон ту бутылку вина...

Гость, взглянув в направлении ее указательного пальца, сделал знак приостановиться, встал и подошел к бутылочным линиям.

– Какую именно?

– Светлую, «Псоу», видите, пробка торчит?

– Вижу.

Он повернул назад голову и пригляделся к стакану, выпитому примерно на две трети.

Снова посмотрел на бутылку, в которой не хватало, похоже, именно налитого в стакан объема.

Потом, взяв салфетку, поместил бутылку куда-то вниз.

– Никто, кроме покойного, бутылку не трогал?.. И не трогайте.

Человек вернулся на место.

– Вы точно, Елена, помните, что он откупорил бутылку?

Опять с ответом поторопился Аркадий:

– Тем штопором на крючке, на наших глазах, – и на вся-

кий случай осторожно взглянул на жену.

– Да, тем штопором.

Она сделала паузу и сосредоточилась.

– ... Олег сел к нам... выпил... тут появился Владимир...

Тот покивал головой:

– Я тоже себе налил вина, но из другой бутылки, – он попытался показать назад, куда-то, рукой.

– А я уже собиралась начать интересующий нас разговор. Олег вдруг сказал: «душиновато». Даже подергал слегка себя за рубаху. Выпил еще, я опять собралась начать, а Аркадий спросил его: «Тебе нехорошо?»

– Ага, лицо у него стало бледным. Я подумал – не дай бог с сердцем что-то после вчерашнего.

– Я опять подумала, что это какая-то хитрость, как вчера вечером, – она подняла в сторону мужа руку, чтоб не мешал. – Но тут Олег начал подрагивать и хрипеть.

– Сипеть, – все же поправил муж, – даже с маленьким свистом.

– Пожалуйста, если по-твоему есть принципиальная разница. Потом сильно вздрогнул, и его голова свалилась на грудь. Владимир был ближе, попытался помочь.

– Я запрокинул голову.

– Мы тоже оказались рядом, стали прощупывать пульс, – она нервно кашлянула, – пульса нет, зрачки застыли.

Человек взглянул на свой стакан с вином, но мельком, и, не став к нему прикасаться, поднялся из кресла.

Затем, заложив руки за спину, сделал несколько шагов в глубину зимнего сада, постоял несколько секунд спиной к публике... повернулся и возвратился назад, но не сел в кресло, а остался стоять рядом с деревцем с темным стволиком и красноватыми листьями... раздумывая, потрогал листок.

— А теперь вот что вы мне уточните — этот Олег сразу выпил вино? — он указал на недопитый бокал. — И пожаловался тут же на духоту?

— Н-ет, — почти вместе проговорили женщина и ее супруг. И она, подняв чуть глаза, пояснила:

— Олег сел, сделал пару глотков...

— Тут пожаловался, что ему душно, — добавил Аркадий, — ну и в смысле «после вчерашнего»...

— Да, так примерно, затем появился Владимир, еще прошло около минуты... а дальше, как я рассказывала.

— А пил, — человек опять указал на бокал, — один раз или несколько?

— Два или три, — уверенно произнес Аркадий.

— Так-так.

Человек подумал, опять помял пальцами лист и посмотрел неприязненно на все деревце, словно виноватое в чем-то.

— Посидите все здесь пока.

— А вы? — робко спросил Владимир, и в вопросе прозвучало желание услышать в ответ что-нибудь утешительное.

— А я скоро вернусь.

Сначала, впрочем, он подошел к бару взял там салфетку,

вернулся и прихватил через нее за нижнюю часть недопитый стакан.

Кажется, публике это не очень понравилось.

Когда раздвинулись дверные панели и человек ступил наружу, воздух показался ему жарким и уж никак не свежее, чем там внутри, где никогда не было и не могло быть никакой духоты.

Да, при сердечной недостаточности люди испытывают нужду в кислороде, но схватывают воздух сильно и глубоко, а тут «сипение» – слишком похоже на дыхательный спазм.

Его увидели из окна двухэтажного домика, где в нижней части находились общие помещения и диспетчерская, а наверху личные комнаты охранников.

Алексей поспешил выйти навстречу.

– Сергей Петрович, а почему не вызвали?

– Так, Леша, прогуляться решил.

– Случилось что?

– М-м, давай вон присядем в тенок на лавочку.

Зашли за угол.

Человек поставил стакан прямо на асфальтовую полосу у стены дома, а прежде чем сесть, скинул пиджак и аккуратно положил его на скамеечную гладкую доску.

– Скажи мне, пожалуйста, ты ничего не знал об этой предусмотренной завещанием жеребьевке?

Старший охранник отрицательно мотнул головой.

– А кто-то из них, – рука показала в сторону особняка, невидного сейчас за углом, – кто-то мог, по-твоему, знать?

– Ну... спросите что-нибудь полегче, Сергей Петрович.

– Хорошо, полегче. За время с последнего моего приезда, кто и как часто здесь побывал?

– Это сейчас припомню. – Молодой человек, размышляя, вскинул голову. – Всего визитов было не так уж много. – Аркадий приезжал раз шесть. Один раз приехал с женой, потом без нее. – Он вдруг отвлекся: – А красивая женщина, Сергей Петрович, выразительный минимализм.

– Как ты сказал?... Да, неплохое определение.

Тот довольно в ответ улыбнулся.

– А в последний раз Аркадий когда приезжал?

– Пару недель назад. Могу точно вспомнить...

– Не надо точно. Ты ничего особенного в тех визитах не заметил?

– Да вроде бы ничего. Хотя вот в последний раз они с хозяином хорошо на грудь приняли, и племянника Макар домой теплого отвозил.

– Он здесь сейчас?

– Да где ж ему, кликнуть?

– Ага.

Алексей встал, зашел за угол и громко позвал подчиненного.

И не успел вернуться и сесть, как следом появился белобрысый, под короткую скобку стриженный парень.

– Здравствуй, Макар, – гость, привстав, протянул ему руку. – Ну, куда ты телят гонял?

– Ка-ких телят? – тот улыбнулся почти во все зубы.

Его начальник откорректировал почти приказным тоном:

– Аркадия ты не так давно домой отвозил.

– Было.

– Вспомни, как он вел себя по дороге.

– Курил все время, мне аж в глаза полезло.

– Еще вспоминай.

– Болтал пустяки всякие. Потом про хозяина говорил, про здоровье, мол мы следить должны. Спрашивал, приезжает ли врач.

– Про состояние что ли выводывал?

– Ну, можно сказать, интересовался. И про другую родню спрашивал.

– Часто ли здесь бывают?

– Ага.

Парень замолчал, и на лице явилась выжидательная улыбка.

– Ладно, Макар, иди, – разрешил начальник.

А когда тот исчез за углом, спросил:

– Сергей Петрович, правда, ничего не случилось?

– Случилось кое-что, но ты мне сперва дальше про посетителей расскажи.

– Да нечего почти. Три раза приезжал Владимир. А Олег этот, сводный брат, вообще тут никогда не появлялся. Толь-

ко знаете что, Сергей Петрович, в последние месяцы хозяин сам начал часто в город выезжать.

– Куда?

– В том-то и дело, что без нас. Садился в бронированный «Мерс», и на все мои слова про безопасность отмахивался.

– Надолго уезжал?

– Так, часа на четыре.

– Вот что Алеша, перескажи мне еще раз про всю эту же-ребьевку, не торопясь и в подробностях.

Хотя беспокойство за что-то ему неизвестное, стало видно, усилилось, тот дисциплинированно подчинился.

– Ты не торопись.

Молодой человек, приподняв слегка голову, как делают люди, чтобы взгляд не ловил постороннего и не мешал вспоминать, начал говорить медленно, и все-таки слегка затрудняясь, не понимая вполне, что именно может быть важно.

Гость слушал.

Слушал, не уточняя вопросами.

Как профессионал он ждал, что «свидетель», постепенно дав волю памяти, сообщит не только отдельные факты, но и впечатления, в том числе неосознанные вполне им раньше самим.

Оно скоро и вышло.

– Мне вот сейчас кажется, Сергей Петрович, Елена эта, вроде бы, ожидала чего-то такого.

– Какого-то сюрприза в завещании?

– Ну, не уверен я, конечно.

– А остальные?

– Нет. Пентюх этот Владимир вообще чуть все не проспал.

И те двое не сразу въехали. Хотя вот Аркадий...

– Что?

– Легко очень принял чужую удачу.

– Поздравил, говоришь, сразу?

– Ага. И вчера, когда я вечером к ним заходил, в хорошем был настроении.

– Сильно пьяный?

– Мне не показалось. Хотя дальше к ночи не знаю, как там у них было.

Теперь, выполнив, что от него требовалось, молодой человек опять забеспокоился, и тому вдобавок служило сосредоточенное и с каким-то недобрым оттенком лицо собеседника.

– Сергей Петрович...

– Труп там, на подведомственной тебе территории, – он ткнул большим пальцем за угол, – труп Олега, сводного брата.

– То есть, не понял.

– То есть спустился он в бар, где его ожидали Аркадий с Еленой, и скоро присоединился Владимир, открыл бутылку «Псоу», выпил граммов сто пятьдесят в два или три приема и умер, судя по словам всех трех, вдруг в течение нескольких секунд. А от себя добавлю: с признаками не сердечной

недостаточности, а паралича верхних дыхательных путей.

– Верхних дыхательных?

– Их. – Гость внимательно посмотрел в глаза молодому человеку. – Тебе, как бывшему офицеру спецназа, такое ничего не говорит?

– Получается... на яд циановой группы смахивает?

– Вот.

– Постойте, Сергей Петрович, – парень от волнения встал и снова опустился на лавку, – вы сказали – он выпил вина несколько раз, почему после первого глотка не действовало?

– Тоже вопрос.

– Значит, яд был на дне стакана – соляные кристаллы какие-нибудь.

– Я тоже, было, так подумал, – его голова недовольно качнулась. – Только уж очень нескладно все это выглядит.

– Почему нескладно? Вы же сказали, они сначала сидели втроем – Аркадий с женой и, как его теперь называть, погибший.

– Сказал.

– Так супругам проще простого договориться – кто-то один отвлек, другой сыпанул в стакан. Яд, понятное дело, растворился не сразу.

Гостю сказанное совсем не понравилось, он, взглянув на молодого человека, даже поморщился.

Тот, поняв, что поторопился, быстро отреагировал:

– Да, их алиби, я не подумал – грубо слишком так себя подставлять.

– И не только. Если они были в сговоре, кто мешал им вчера наследника травануть? Грамотно, чтоб по возможности примешать к этому делу Владимира.

– Верно. Только, Сергей Петрович, почему у нас с вами об этом должна голова болеть, пусть милиция с прокуратурой и разбираются.

– И я им то же сказал.

– А они?

– А они здравую мысль выдвинули.

– Какую?

– Что прокуратура с милицией и администрацией вашего богоносного города сделают все возможное, чтобы наследство это к рукам прибрать. Как ты думаешь, сколько воронья налетит?

Молодой человек вздрогнул, приоткрыл рот – неожиданная перспектива застала его врасплох и потребовала неприятных раздумий...

Он сильно втянул ртом воздух и, выдохнув, произнес:

– Да все воронье налетит.

– И еще прикинь – оставят тебя при этом в покое?

– Что вы имеете в виду?

– А то, могут давить на тебя, чтобы дал на них ложные показания. Ты, например, мог слышать, как все трое сговаривались отравить этого Олега.

– Да вы что, Сергей Петрович, я ничего такого не слышал!

– Конечно. Только это очень удобный для них ход. И подчиненных твоих в оборот возьмут.

– Тьфу, пакость! Я копейки за всю службу не прикарманил, и ребята мои...

– Ты мне это не рассказывай. Ты трезво на все взгляни.

Было видно – старший охранник и хотел бы, да нервы не очень слушались, и человек положил на плечо ему руку.

– Может и не так все будет, Алеша, а может и так.

– Да так, Сергей Петрович, так!

Он повел головой из стороны в сторону и вздохнул два раза быстро и глубоко.

– И методы их я заранее знаю. Припишут пропажу ценных вещей из дома и начнут под это нас всю охрану прессовать. Я ж честный человек, Сергей Петрович, я клепать на людей не стану. Если хотите знать, я почти как и вы из органов ушел.

– А откуда ты знаешь, как я ушел?

– Хозяин рассказывал.

Оба замолчали.

Ветерок вдруг решил подуть, и полуденный жаркий воздух сделался посвежее. Серо-коричневый воробей, явившийся в двух метрах от них, начал попрыгивать, очень довольный своей беззаботностью.

– Вот как поступим, Алеша. Лимит времени небольшой у нас еще есть. Первое твердо запомни – я тебе ничего не рассказывал. Ты пока ничего не знаешь. И ребятам ни гу-гу.

– Спасибо, Сергей Петрович. А делать что?

– Ключи запасные от гостевых комнат у тебя есть?

– Есть.

– Дашь их мне. Теперь нужна ручка и бумаги листок.

Требуемое оказалось в нагрудном кармане, и молодой человек приготовился писать.

– Нет, дай я сам.

Гость стал что-то выводить, разборчиво, крупными буквами.

Подумал, куснул тупой кончик ручки, и еще дописал.

Молодой человек деликатно посмотрел на бумажку.

– Ты, Леша, сам эти названия в голову не бери. Это вполне известные реактивы. Но изволь, брат, их мне быстро доставить. В городе ведь есть медицинский институт?

– И другие есть.

– Нет, в первую очередь туда. К фармакологам. Как у тебя с деньгами?

– Три тысячи баксов на хозяйственной карте.

– Хватит им и пары сотен. Садись в машину, и влет.

– Понял, товарищ начальник! – оттого что возникли реальные действия, он успокоился и улыбнулся. – Только сбегаю за гостевыми ключами.

– И еще купи сильную лупу.

Через несколько минут человек снова вошел в дом, и часы у входа показывали, что он отсутствовал меньше четверти

часа.

На связке четыре ключика с разноцветными головками – синей, зеленой, розовой и золотой – четыре гостевые комнаты были оформлены каждая своим цветом. Он всегда оставался в «золотой», и этот ключ-дубликат не был нужен, а вот остальные, и в первую очередь синий, сейчас понадобятся.

Подняться можно было по центральной лестнице и двум внутренним – одна из них шла от бара, и человек, чуть подумав, решил поддержать компанию в неведении и направился от входа вверх по центральной.

Синяя – комната Олега.

Через несколько шагов по знакомому коридору он увидел дверную ручку с синим обводом.

От поворота ключа дверь сама пошла внутрь.

Комната оказалась в солнечном свете, человек приостановился у порога, пришлось немножко пощуриться.

Не застеленная кровать... а так, не бросается в глаза беспорядок.

Он прошел дальше внутрь и с середины комнаты начал обводить все взглядом, понемногу поворачиваясь против часовой стрелки.

Пару раз его взгляд, становясь пристальнее, задерживался на чем-то, но затем принимал прежнее спокойное выражение.

А когда круговой обзор закончился, человек быстро

осмотрел встроенный шкаф, затем так же быстро прошел в ванно-туалетное помещение и пробыл там не больше минуты – следовало, решая основную задачу, экономить время, которое, убывая, делало и его уязвимым предусмотренной законом статьей о намеренном сокрытии сведений о случившемся преступлении.

Или не преступлении, а просто смерти от перепоя?

Сумка вещевая дорожная.

Содержимого было немного совсем – сначала оно перекочевало на кресло, затем скоро поместилось назад.

Собираясь выйти, он чуть задержался, взявшись за ручку двери, обдумывая что-то из здесь увиденного, а затем снова заторопился.

В коридоре человек вернулся на несколько шагов назад и выбрал ключ с зеленой головкой для предыдущей комнаты, находившейся по этой же стороне.

Второе помещение отличалось от первого интерьером зеленого, а не синего, тона, при тех же размерах и мебелировке.

И тут визитер пробыл совсем недолго. Зашел в санузел, а возвратившись в комнату, бегло обвел ее взглядом, нервно пощелкал пальцами, задержал взгляд на столике, где кроме фирменной бутылки с водой, пустого стакана, лежал носовой платок и журнал. Вдруг, присматриваясь еще на ходу, он быстро приблизился.

Простота предметов не оправдывала вызванного к себе внимания, но на лице человека нарисовалось непонятно с

чем связанное напряжение... однако всего на несколько секунд. Он, не любивший ручных часов, искал глазами и увидел небольшие часики рядом с постелью на тумбочке – двадцать одна минута, как он покинул тех в баре внизу. Но опять явилось напряженное выражение, и пальцы правой руки прощелкали кастаньетный звук.

Оттого, что время бежит?

Нет, скорее радуется, что его прошло очень мало.

А взгляд все равно упирается в часы.

– Ага...

Щелчки приостановились, и прозвучало второе «ага» – теперь с другой интонацией – слегка вопросительной.

Снова коридор – оставалось еще осмотреть «розовую», располагавшуюся по другой стороне.

Оказавшись внутри, человек вдруг задумался, и даже, чуть склонив голову, положил правый указательный палец вдоль носа до переносицы.

Простоял он так, впрочем, недолго.

А возвратясь в прежний режим, начал быстро открывать створки шкафов и ящичков, встав на колени, заглянул под постель, потом, быстро поднявшись, проследовал в туалетный блок.

И тоже пробыл там недолго.

Вернувшись, приостановился и поглядел на часы – такие же, как в соседней комнате, только другого цвета.

– Несанкционированный обыск?

– А вы хотели санкционированный? – человек не повернулся к дверям.

– И удалось что-нибудь?

– Скажите, Елена, вы знали об этой жеребьевке?

– Нет, разумеется.

Теперь он обернулся в пол оборота.

– А ваш муж?

Она дернула плечиками.

– Не думаю.

Ответ гостю показался немного странным, а на лице нарисовалось неудовольствие.

– Я, кажется, просил дожидаться меня в баре.

– А я, прогуливаясь по зимнему саду, заметила, как вы подошли к дому, но потом не появились.

Человек качнул в ответ головой, но не ей, а, по-видимому, каким-то мыслям в себе, сложил было средний и большой палец, но удержал себя от пощелкиваний.

– Ладно, пошли к остальным.

Он первый устремился на выход и, лишь вспомнив о любезности в коридоре, подождал выходящую даму и прикрыл за ней дверь.

Понуждая ее идти быстрым шагом, человек, адресуясь назад, спросил:

– Вы сами, Елена, вчера вечером в каком состоянии были?

– Что? Ах да... нет, я была вполне под контролем.

Свернули от коридора вбок, где начиналась небольшая

лестница вниз прямо к бару.

– А Владимир?

– Так, – в голосе прозвучала неопределенность, – крепкого он, кажется, вообще не пил.

С последних ступенек лестницы кроме двух сидящих в креслах людей обнаружился еще один – охранник, но не Макар, а другой, которого гость мало знал. Знал только, что парень получил лет шесть назад сильную контузию при операции на Кавказе, Алексей подобрал его, бедствующего почти, и они с Макаром относились к нему очень заботливо.

Двое за столом, показалось, изучали нечто похожее на ресторанный карту, а Аркадий делал отметки ручкой.

Оба сидящих подняли головы, и Владимир несколько виноватым голосом произнес:

– Мы заказываем обед.

Как-то выскочило из головы, что в этом доме никогда не было повара, и обед и ужин заказывался в недалеком отсюда очень хорошем загородном ресторане – система, стало быть, продолжала работать.

Охранник вежливо ожидал в стороне, там за креслом, недавно покинутым гостем, где стоял недопитый наполовину стакан с темным терпким «Бордо». Человек прошел к своему месту, однако не сел, а взяв стакан, отправился к бару и оттуда уже, увидев, что прочие закончили процедуру выбора, проговорил, зная наперед имевшееся в постоянном выборе:

– Язык в молочном соусе, крабовый салат, ну овощи, само

собой, – он вскинул глаза, показывая наверх: – И ему то же самое.

Темные зрачки Елены мелькнули в его сторону с благодарностью за догадливость, упущенную, конечно же, остальными.

Все же такого вкусного вина больше нигде не выпьешь, и человек, прежде чем долить полный стакан, не удержался и допил оставшееся.

А возвращаясь к своему креслу с полным уже, приостановился, глядя вслед удалявшемуся с отметками в меню охраннику. С этой позиции, у красноватого деревца, можно было проследить сквозь зелень его движение до конца. Деревце это или куст?.. Много здесь всякой мудреной растительности. Он повернул голову к сидевшим за столиком, уже открыл рот... но замер, и как-то осторожно потом возвратил голову в прежнее положение. Охранник как раз добрался до выхода.

Человек простоял так, со стаканом в руке, еще с полминуты, и отправился к креслу, лишь когда глазастая Елена сообщила всем громко, что видит охранника уже наружи. Круглые часы на верхней панели бара показывали, что с момента ухода отсюда на все процедуры ушло всего двадцать девять минут.

Аркадий тоже вслед его взгляду посмотрел туда на часы.
– Сколько мы можем еще так тянуть? Нехорошее ощущение – мы не в одно так в другое вляпаемся.

Гость, показалось, и согласился, и не вполне:

– Ну, экспертиза вообще определяет смерть с погрешностью. Считайте, что она произошла на час позже, однако торопиться надо, Аркадий прав.

– Кроме того, – включилась его жена, – мы можем сказать... что вы улыбаетесь, Сергей Петрович?

– Хорошо соображаете, сударыня. Имели ввиду: он неважно себя почувствовал и заявил, хочет пару часов поспать? То есть, мы его еще не обнаружили?

– Браво!

Муж намерился поцеловать жене руку, но та воспротивилась.

– Что «браво», дело-то на нуле. Или нет, Сергей Петрович?

Тот уклончиво повел головой, посмотрел на приятно полный стакан...

– Значит, Олег вчера к ночи находился под сильным градусом, хотя вам, Елена, показалось, что он более вменяем, чем выглядит, и старается использовать опьянение, чтобы уйти от разговора на неприятную тему, так?

– Ну, я не очень настаиваю.

– Ты, Аркадий, как я понял, и не можешь ни на чем настаивать.

– Не могу!

– А вы, Владимир?

– Я тоже был немного в тумане.

– Но Олега вы все же побеспокоились спать уложить.

– Да, вместе с Аркадием.

– Ха, это я, в общем, помню, – тот продолжал находить в пьяной истории юмор.

– А на ночь, дали ему, вы говорили, снотворное?

Владимир закивал головой:

– Да, Аркадий нашел где-то в аптечке.

– А почему была необходимость в снотворном?

– Собственно, – Владимир посмотрел на молодого человека, развалившегося в кресле, – это, помнится, была твоя инициатива.

– Моя? Н-ет, не помню. А, наверное потому, что мы хотели все-таки обсудить без него наши требования, выработать, так сказать, цифровые позиции. Лен, ты еще сказала: «Снотворное ему что ли дать»? Когда он начал петь «конфеты-бараночки».

– Не мели ерунды. К тому времени уже было ясно, что обсуждать с вами что-либо совершенно бессмысленно. Сергей Петрович, вы задаете сейчас вопросы по существу? Простите, мне кажется, дело висит в воздухе без всякого плана.

– Ну, – человек потянул руку к стакану и задержал ее там, – если я буду предварительно объяснять смысл каждого моего вопроса... – он затруднился сразу сказать, чем не подходит подобная процедура и проговорил о другом: – Кое-что прояснится, когда Алексей привезет мне некоторые дополнительные средства.

Женщина нервно поморщилась.

– Время, оно течет, как тот проклятый песок.

И Владимир беспокойно добавил:

– Минут через тридцать доставят обед, и мы должны будем разбудить, э, «покойного». Сколько у нас останется после этого?

Но племянник оптимистично ответил:

– А я, допустим, постучал громко в его дверь – там не ответили. Ну и решили – спит себе, лучше часок еще не тревожить. Так ведь, Сергей Петрович?

Нельзя сказать, что нехитрое предложение очень понравилось, но подумав чуть, тот кивком согласился.

И снова спросил, словно подтверждая подозрения в отсутствии реального плана:

– Он что, Олег, все же вел себя беспокойно?.. Снотворное выпил не сопротивляясь?

Женщина громко выдохнула, и в звуке расслышался легкий стон, Владимир отрицательно помотал головой, а племянник Аркадий поделился еще одной несложной идеей:

– Мы вот тут сидим-мучаемся, а у него, возможно, просто произошел сердечный приступ – банальный случай. Экспертиза смерть от остановки сердца обязательно сумеет определить?

Человек на своем председательском месте приостановил движение стакана ко рту.

– Сумеет, это они всегда распознают. Но, – он сделал гло-

ток, погонял немного вино по рту и одобрительно кивнул ему вслед, – но маловероятно, что Олег был сердечником.

Глаза женщины не сумели скрыть – это ей не понравилось.

– Как вы это установили?

– Просто. В боковом кармане его сумки есть пакетик с лекарствами. Там у него аспирин, слабительное, флакончик с нафтизином, – он отчего-то приостановился, – укрепляющие капли для глаз. Вывод простой: Олег аккуратно собирался в дорогу, а ехать сюда на поезде всего с небольшим одними сутками – к организму своему, стало быть, относился внимательно. Однако никаких сердечных лекарственных средств он не взял.

Последние слова прозвучали с немножко вопросительной интонацией.

Женщине опять не понравилось – эта ли информация или что-то еще...

– Сергей Петрович, может быть, погуляем во дворике на свежем воздухе?

Она, не дожидаясь ответа, встала и будто потянула этим из кресла гостя.

Двое мужчин за столиком переглянулись, Аркадий с напругенной улыбкой поинтересовался:

– Это что за интим?

– Интим-интим, а ты, будь любезен, не переходи в мое отсутствие на крепкое.

Тот пошутил неуклюже вдогонку про несвободу брошен-

ного женою мужа.

Гость, меж тем, встав у кресла и поджидая спутницу, сощурил глаза – то ли оттого что в их поле зрения попало нечто его удивившее, то ли не увиденное глазами, а угаданное мыслью, стало тому причиной – он даже слегка замешкался и последовал за женщиной с опозданием.

Солнце наружи уже разыгралось вовсю, и в зенитном своем стоянии обливала землю лучами, добросовестно выполняя надлежащую ей в это время работу.

– Славная погодка, – произнес человек, поднимая слегка к солнцу голову, – сейчас бы куда-нибудь на воду.

Женщина показала рукой в сторону дома:

– Есть бассейн.

– Нет, на большую куда-нибудь, в плесы.

Он улыбнулся вдаль, невидимому отсюда простору, и поймал в ее глазах понимание – им тоже хотелось куда-то на волю.

Это секундное общее между ними оборвалось, она отвела взгляд в сторону и заговорила.

Быстро, словами-ледышками:

– У меня очень нехорошее чувство, Сергей Петрович, чувство веревки, которой нас всех перевязали и вот-вот куда-то потянут. Тут надо не развязывать, а рассекать. Нужен простой, грубый, но эффективный ход. Нужно избавиться от тупа. Но очень надежно. Пусть подозревают потом, сколько хотят. – Она заговорила громче, опасаясь, что ее перебыют. –

Пять миллионов вам, и по два миллиона ребятам. Я выделяю из собственной доли. Очень простое объяснение – вчера вечером Олег связался с кем-то по телефону и уехал вскоре на подкатившей к воротам машине. Был пьян, на наши слова не реагировал. Ребята этой ночью закопают где-нибудь труп надежно – вы сами знаете, сколько таких, годами не найденных. Сергей Петрович, надо забыть обо всем и разрубить поганый узел, как Македонский когда-то. Надо, понимаете, надо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.